
ПРИВЕДЕТ ЛИ ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС К ГЛОБАЛЬНЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ?

Л. Е. Гринин

В статье рассматриваются глобальные причины современного кризиса и возможности устранения наиболее острых проблем, его вызвавших; анализируется как негативная роль мировых финансовых потоков, так и их важные позитивные функции, включая «страхование» социальных денег в мировом масштабе; в связи с последствиями кризиса анализируются условия возможных трансформаций мировой системы и вероятность различных глобальных сценариев ее ближайшего будущего; дается характеристика грядущей «эпохи новых коалиций»; делаются некоторые футурологические прогнозы.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КРИЗИСА И НЕОБХОДИМОСТЬ ПЕРЕМЕН

Глобальный кризис, на время отрезвивший тех, кто уверовал в возможность бескризисного развития, как будто затихает (хотя опасность еще одного серьезного падения индексов полностью не миновала). Мировая экономика в целом из фазы рецессии/спада перешла в фазу депрессии, и как будто намечаются признаки перехода к фазе оживления. Значит, на причины, а также ближайшие и отдаленные последствия самого сильного за последние 75 лет экономического кризиса уже можно взглянуть иначе, чем годом ранее.

История экономических кризисов показывает, что каждый из них был связан с характером отношений в мировой системе (далее – Мир-Система¹). Но некоторые наиболее сильные кризисы существенно меняли контуры и главные линии связей в ней. По-видимому, и современный глобальный финансово-экономический кризис будет способствовать началу процесса крупных изменений в структуре и функционировании «Мир-Системы», а также в принципах международных отношений в ближайшие десятилетия. Анализу возможных трансформаций в связи с кризисом, а также оценке вероятности осуществления тех или иных сценариев развития мировой системы в ближайшие десятилетия и посвящена основная часть настоящей статьи.

1. Глобальные причины глобального кризиса

Рост и углубление финансово-экономической глобализации были причиной беспрецедентного процветания большого числа государств и целых регионов в последнее десятилетие, но они же стали причиной кризисных явлений. Поэтому в целом можно считать, что кризис – это обратная сторона глобализации.

---

¹ Мир-системный подход зародился в 60–70-е гг. прошлого века благодаря работам Ф. Броделя, А. Г. Франка, И. Валлерстайна, С. Амина и Дж. Арриги. Термин «Мир-Система» (с вариациями) употребляется довольно широко и не только сторонниками мир-системного направления. Подробнее об истории и содержании понятия «Мир-Система» см.: Гринин, Коротаев 2009.

Естественно, что причины и характер кризиса еще долго будут предметом самого пристального изучения. Но очевидно, что главные причины, породившие кризис, не устранены, а многие проблемы только временно притушены беспрецедентной накачкой денег, оправданной только как экстраординарная мера, а в будущем способной усугубить ситуацию. Вот почему вполне можно ждать в достаточно скором времени (в течение ближайших 3–5 лет) новой вспышки кризиса. При этом есть значительная вероятность, что более сильные проявления кризиса в следующий раз будут ощущаться в быстро растущих экономиках стран Азии, которые сегодня пострадали сравнительно умеренно. Похожие ситуации с некоторой асинхронностью протекания наиболее сильных кризисов наблюдались между Европой и Америкой в конце XIX – начале XX в.

Одной из важнейших причин кризиса стали **большие изменения в глобальном разделении труда между странами**². Самым заметным тут стало то, что страны мир-системного центра, то есть развитые/западные страны (особенно Великобритания и США), более активно развивают у себя финансовый сектор³, в то время как периферийные страны более активно развивают реальную экономику. В результате в западных экономиках доля ВВП, создаваемая финансовыми услугами, достигает от одной четверти до одной трети всего ВВП, и она уже превзошла долю промышленности. И в целом в мировой экономике благодаря возможности Запада аккумулировать мировые капиталы и возникновению новых финансовых технологий финансовая сфера развивалась в последние десятилетия быстрее всех остальных. Вследствие этого она превратилась из сектора, обслуживающего экономику, в сектор, задающий главный вектор ее развития, и именно здесь создается огромная доля добавочной стоимости. Такое разделение труда имеет целый ряд важнейших следствий. Западные страны становятся не только центром мировых капиталов, но и их нетто-импортерами. В них происходит такое явление, как деиндустриализация. Напротив, в периферийных странах быстро растет промышленность. Отсюда темпы роста в таких растущих экономиках, как страны БРИК и многие другие, длительное время остаются существенно выше, чем на Западе. В итоге в периферийных странах особенно быстро растут экспортные отрасли, в то время как США и ряд западных стран все более становятся потребляющим центром, спрос в котором, по сути, определяет благополучие периферийных экономик. Таким образом, в целом наблюдается ослабление роли Запада как промышленно-экономического центра Мир-Системы, но в то же время увеличивается его значимость как импортера товаров и капиталов; соответственно налицо увеличение экономической роли периферии в целом и некоторых периферийных центров в особенности, однако их экономика все сильнее зависит от возможностей потребления на Западе. Экономика потребления стала теперь уже не западным, а мир-системным императивом.

Анархичное и чрезвычайно быстрое развитие новых финансовых центров, финансовых потоков и технологий во всем мире, которое обеспечило стремительный рост финансового сектора, в исключительной степени способствовало также

² Подробнее эта и другие причины кризиса, а также развитие финансовых технологий проанализированы мной в других работах: Гринин 2008а; 2009б; 2009в; Гринин, Коротаев 2010.

³ Странами мир-системного ядра в широком смысле можно считать наиболее развитые страны ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития), к которым обычно относят 24 страны из 30 входящих в эту организацию. На долю ОЭСР приходится около 60 % мирового ВВП.

возникновению глобального финансово-экономического кризиса. Их негативная роль была усилена, как указывают финансисты, непрозрачностью многих финансовых инструментов и деятельности финансовых институтов, что привело к фактической маскировке рисков и в целом к их глобальной недооценке.

К месту будет заметить, что на стремление к риску, обычно характеризующее как положительное и специфическое для психологии бизнесмена качество, в условиях глобализации необходимо взглянуть уже под иным углом. Если финансисты, а за ними и остальные бизнесмены рассматривают в качестве сферы приложения капитала весь мир, а риски касаются капиталов в триллионы долларов, рисковать или не рисковать – перестает быть только личным выбором бизнесменов и отдельных фирм. Авантюрная склонность к риску, последствия которого могут оказать фатальное влияние на всю мировую экономику, становится опасной чертой, а действия таких бизнесменов необходимо регулировать.

2. Почему проявились классические черты экономического кризиса?

Глобальные причины современного кризиса, на мой взгляд, привели к такому неожиданному эффекту, в результате которого проявились некоторые классические черты кризисов старого времени, от которых уже, казалось, успели избавиться. Кризисы в своем классическом виде – неожиданного и даже необъяснимого коллапса экономики, возникающего на фоне невиданного процветания, роста прибылей и цен, – были характерны для XIX – первой половины XX в. Позже, во второй половине XX в., в связи с активным вмешательством государства в протекание бизнес-циклов циклические кризисы стали менее тяжелыми и выраженными.

Напомню, что экономические среднесрочные циклы деловой активности длительностью 7–11 лет, проходящие сначала фазу подъема, переходящего в перегрев экономики, а затем заканчивающиеся кризисом (обвалом, спадом) и депрессией, получили также название циклов Жюгляра⁴. Характерными для таких экономических циклов были быстрый, иногда просто взрывной, подъем (бум), требующий огромного напряжения экономики, и затем еще более быстрый крах.

Период подъема, затем бума и перегрева экономики сопровождался: а) сильным и неадекватным ростом цен на сырье и недвижимость; б) чрезмерным спросом на кредиты и расширением инвестиций выше всяких разумных пределов; в) разгулом спекуляций с товарными и фондовыми ценностями; г) огромным увеличением рискованных операций. Все эти явления неоднократно описаны в литературе самых разных школ. И все они имели место в современном кризисе.

Резкость переходов от бума к краху была связана со стихийным, ничем, кроме рынка, не регулируемым развитием, поскольку государство недостаточно вмешивалось в экономическое развитие. Анархичность развития на уровне капиталистической экономики при стремлении каждого хозяйствующего субъекта к расширению предложения, как известно, еще К. Маркс считал важнейшей причиной кризисов.

В результате Великой депрессии роль государства в регулировании экономики изменилась. Благодаря различным способам прямого и косвенного макроэко-

---

⁴ В честь К. Жюгляра (1819–1905), впервые доказавшего их периодический и закономерный характер, хотя практически одновременно с Жюгларом циклы исследовали и другие ученые, в частности К. Маркс.

номического воздействия в рамках развития национальной экономики удалось минимизировать эти драматические перекосы взлетов и падений. Кризисы в результате стали менее сильными, чем раньше.

Глобальные причины современного кризиса, однако, сделали эти кейнсианско-монетарные методы регуляции экономики, эффективные в рамках отдельной страны, малоэффективными в мировом масштабе. Мировое хозяйство превращается в единую систему, но технологий влияния на экономические циклы в мир-системном масштабе еще не выработано. Между национальными государствами идет напряженное соревнование в том, у кого темпы роста будут выше (и пока даже не ставится вопрос о каких-либо международных договоренностях о допустимых пределах темпов роста). Соответственно в отсутствии нужного уровня контроля в экономике Мир-Системы все заметнее проступают черты анархичности и аритмичности развития нерегулируемой рыночной экономики.

Отсюда определенное системное сходство между функционированием нерегулируемой национальной и современной глобальной экономики. Это сходство, на мой взгляд, объясняет современный рецидив некоторых черт циклических кризисов прежнего времени [подробнее см.: Гринин, Коротаев 2010; Гринин, Малков, Коротаев 2010].

Отметим, что в современной экономике не только появились новые финансовые технологии, но и сама современная экономика стала во многом производить ценности именно в финансовой сфере (финансовых услугах). Таким образом, резко выросла финансовая составляющая кризиса в отличие от предыдущих десятилетий, где основной рост шел в материальной сфере.

3. Финансовые спекуляции: есть ли плюсы?

Финансовых посредников ругали во все времена. И всегда было за что ругать. Но они существуют, и без них не обойтись, поскольку рыночная экономика очень сильно зависит от финансовых посредников, которые превращают сбережения общества в продуктивные инвестиции [Гринспен 2009: 484].

Деятельность современных финансовых корпораций и фондов, приводящую к неконтролируемому росту финансовых активов и анархии в их перемещении, абсолютно справедливо подвергают критике (см. ниже)⁵. Однако было бы крайне неправильно представлять, что новейшие финансовые технологии вредны в самой своей основе, что они приводят мировую экономику только к различным бедам и выгодны лишь паразитирующим финансистам и спекулянтам. Напротив, как возникновение, так и современное состояние финансового сектора было призвано решать очень важные задачи, причем именно в глобальном плане.

Словом, современную финансовую глобализацию можно не только ругать, она имеет и действительно позитивные моменты. Суммируя достижения того, что называют финансовой революцией [см., например: Доронин 2003; Михайлов 2000], я выделил и в собственной редакции сформулировал несколько важнейших направлений развития частного финансового инжиниринга (помимо компьютеризации этой области бизнеса), а далее попытался показать, какое положительное влияние они оказывают. Эти направления можно описать следующим образом:

⁵ Мой анализ негативных последствий см.: Гринин 2008а; 2009б; 2009в; Гринин, Коротаев 2010.

1. Мощное расширение номенклатуры финансовых инструментов и продуктов, что ведет к расширению возможности выбора и подбора наиболее удобного финансового инструмента.

2. Стандартизация финансовых инструментов и продуктов. Появляется возможность рассчитывать абстрактную (то есть усредненную, объединенную, взятую от стандартного пакета акций и других бумаг) базу, а не конкретную цену по конкретным бумагам. Это экономит очень много времени у тех, кто использует эти финансовые объекты, позволяет совершать покупки, не вдаваясь в детальный анализ каждой бумаги, а значит, на порядок расширить число участников.

3. Институционализация способов уменьшения индивидуальных рисков. Помимо уже указанного расширения номенклатуры и подбора финансовых продуктов, особенно важно отметить появление специальных учреждений – особых расчетных и клиринговых палат – с внутренним регламентом (что избавляет от обращения в суд); специальных правил и компьютерных программ, различных технологий и форм страхования (хеджирования) рисков. Все это позволяет уменьшить как индивидуальный риск невыполнения сделок и разорений, так и риск в рамках определенных бирж⁶.

4. Расширение числа участников и площадок. Современные финансовые технологии позволили включиться в игру множеству людей через специальные программы, особых посредников и структуры⁷. Это позволяет широко распространять эти технологии среди владельцев капиталов самого разного объема (подобно тому, как развитие акционерных технологий позволило аккумулировать огромные капиталы). Произошло также значительное увеличение числа финансовых центров и их специализация, усилилась связанность национальных и мировых финансовых центров. Крайне важно, что на порядок увеличилось число эмитентов различных финансовых производных, которые ранее не имели выхода на глобальные рынки.

В чем же важность этих изменений в финансовом секторе в глобальном масштабе?

- Происходит аккумуляция и вовлечение в оборот огромных капиталов, новых игроков, рынков.

- Появляется возможность использовать ранее совершенно непригодные для извлечения прибыли операции за счет того, что объемы операций возросли колоссально. Так, фирма может получать 3 цента с одной акции, но продавать в день многие миллионы акций, причем покупать и продавать одни и те же акции десятки раз за один день [Кэлахан 2005]⁸. Напрашивается сравнение с промышленной технологией обогащения бедных руд, которые до этого были невыгодны для переработки.

- Рост разнообразия финансовых продуктов, развитие специализации в оказании финансовых услуг и рост номенклатуры этих услуг позволяют диверсифицировать колебания спроса и увеличить общий объем продаж (как помогает это делать рост номенклатуры товаров в любой другой отрасли).

⁶ Однако расширение объемов операций и их ускорение создают угрозу финансового обвала в глобальных масштабах.

⁷ Наиболее известным из которых является международный межбанковский валютный рынок (FOREX).

⁸ Разумеется, это в большей степени касается периода, когда дела у всех идут в гору, и в гораздо меньшей (хотя и не нулевой) – при спаде.

- Финансовые потоки и финансовые центры начинают по-новому структурировать мировую экономику. Рыночная экономика всегда структурируется вокруг определенных коммуникаций. Вспомним, как строительство железных дорог изменило не просто доставку товаров, но и всю организацию экономической жизни. В современной информационной экономике финансовые потоки начинают играть роль таких системообразующих коммуникаций. Там, где проходят наиболее важные финансовые потоки, интенсивнее всего идет экономическая жизнь. Мелкие и мельчайшие ручейки финансов (как раньше мелкие и мельчайшие потоки грузов к железным дорогам) создают новую экономическую сеть.

- Новая структура позволяет периферии активно включиться в мировую экономику. Разумеется, стихийное движение ведет к обвалам и глобальным кризисам, но так же происходило в XIX в., когда мощнейшее железнодорожное строительство (сопровожаемое невиданными спекуляциями) вело сначала к огромному подъему, а затем – к краху. Задача, следовательно, заключается в том, чтобы поставить под контроль наиболее опасные и непредсказуемые действия.

4. Финансовые потоки как мировой пенсионный фонд?

Мои исследования позволили мне увидеть и такие глобальные функции мирового финансового сектора, которые вовсе не попали в поле зрения аналитиков. Эти функции возникли в условиях не обеспеченных золотом денег и связаны с необходимостью сохранения накоплений в условиях инфляции от потерь и рисков в течение длительного срока хранения. Возникли они как непреднамеренный результат в процессе очень сильных изменений в природе мировых финансов, который начался в 1970-х гг. Напомню, что тогда в результате двойной девальвации доллара и краха Бреттон-Вудской валютной системы произошел окончательный отказ от золотого стандарта денег. Цена золота больше не привязывалась к доллару даже номинально, она стала свободной, а курс валют – плавающим.

Однако в результате отказа от золотого стандарта обеспечение сохранности накоплений окончательно перешло от «независимого» гаранта (то есть драгоценных металлов) к государству⁹. Но при этом не осталось ни одного государства, на которое в плане твердости гарантий обладатели капиталов могли бы положиться. К этому надо добавить рост инфляции, особенно беспокоившей Запад в 1970–1980-е гг. Отметим, что именно в это время, в 1960–1970-е гг., в связи с активным социальным законодательством, ростом качества жизни и демографическими процессами (поросло многочисленное послевоенное поколение) выросли объемы социального капитала в самом прямом смысле слова (пенсионные, социальные и страховые фонды, включая и медицинские). Помимо этого источника роста капиталов в 1970–1980-е гг. были и очень важные другие. Общий объем капиталов вырос за счет нефтедолларов, увеличения эмиссии ценных бумаг, роста

⁹ Конечно, стоимость золота и серебра могла колебаться. Общеизвестна история так называемой революции цен в XVI в., в результате которой цены выросли в четыре раза. Но никогда не было так, чтобы золотые или серебряные монеты мгновенно потеряли свою стоимость или их ценность упала бы до нуля (как это происходит с акциями). А в XIX – начале XX в., когда многие страны перешли на золотой стандарт, ценность денег (и многих цен) была порой удивительно стабильной в течение долгого времени, что позволяло жить на доходы от капиталов множеству людей. Это также позволяло твердо надеяться на сбережения в форме монет из драгоценных металлов на черный день и старость. Это, кстати, также было важнейшей основой для развития бережливости. Сегодня драгоценные металлы столь же непостоянны в цене, как и любой другой актив, и амплитуда колебаний их ценности огромна.

ссудного капитала (в том числе и суверенных долгов многих стран). В целом с указанного времени начинается процесс резкого увеличения объемов свободных капиталов, которые необходимо было как-то инвестировать.

При инфляции вопрос о том, куда вкладывать капиталы и деньги, не обеспеченные золотом или твердой валютой, становится ведущим. Тем более для капиталов, подобных пенсионным фондам, назначение которых – быть востребованными через десятки лет сохраненными и преумноженными. Нужно было найти новые способы гарантий сохранения и увеличения капиталов.

Фактически отказ от привязки к золотому стандарту (и к постоянным ценностям) изменил не только мировую валютную систему, но едва ли не в большей степени всю финансовую экономику, всю финансовую технологию. Резкое увеличение объема капиталов, необходимость сохранить их от инфляции и найти выгодное приложение объективно подтолкнули к поиску новых форм финансовой деятельности. В результате начался процесс быстрого роста объемов финансовых операций, числа финансовых активов, объектов, инструментов и продуктов. Часть из новых инструментов уже была готова, и их удалось быстро «раскрутить» [см. подробнее: Гринин 2009б; 2009в; Гринин, Коротаев 2010]. Этому способствовала и информационно-компьютерная революция, которая совпала с финансовой революцией и дала ей мощнейшую материальную базу.

Итак, в отличие от драгоценных металлов, которые даже без движения сами по себе сохраняли собственную ценность, современные капиталы не имеют такого якоря. Поэтому если они будут просто лежать, как золото, то постепенно превратятся в пыль. Каковы же источники их сохранения и роста, каковы возможности выполнения финансовых (а значит, и социальных) обязательств?

Первое – это система очень мобильного перемещения капитала, непрерывной смены его форм, вовлечения новых людей, капиталов, посредников и услуг, чтобы сохраняться и приумножаться. Чем быстрее происходят движение и метаморфозы денежных объектов, чем активнее вовлекаются новые активы, тем лучше сохраняется капитал.

Второе – распределение рисков в глобальном масштабе. Растут возможности разложить риск на возможно большее число участников и стран, трансформировать исходные финансовые объекты в возможно большее число финансовых продуктов. Необходима максимальная диверсификация, позволяющая выбирать удобные формы финансовых продуктов и оперативно менять их. Вот почему так называемые производные финансовые инструменты становятся все более и более производными, приобретая все более превращенную и отдаленную от первичных денег форму¹⁰.

Третье – рост специализации, в том числе в самых разных формах на страховании вложений. Специализация обеспечивает диверсификацию и возможность расширения.

Дополнительная важность функций мировых финансов в плане сохранения и приумножения накоплений пенсионных, страховых и социальных фондов с каждым годом усиливается важнейшим и в целом глобальным обстоятельством:

¹⁰ Надо иметь в виду, что пенсионные фонды, страховые компании и т. п. выступают в роли так называемых институциональных инвесторов и собственников во множестве корпораций, которые сами вкладываются в массу различных бумаг и проектов; таким образом, финансы всего мира настолько перемешались, что сложно понять, где реально чьи деньги, где «хорошие» деньги, а где «плохие».

завершением второй фазы демографического перехода в Европе, Японии и США. Это создало, как известно, демографическую ситуацию, при которой едва обеспечивается простое воспроизводство населения, а в ряде развитых стран фактически началась депопуляция; в целом численность будущих поколений сокращается, а численность стареющих когорт населения и процент пенсионеров в общем составе населения в развитых странах растет. И прогнозы обещают только усиление этого процесса. Если к 2010 г. в развитых странах в среднем на одного пенсионера приходится четверо работающих, то в 2025 г. их будет только три или меньше [см.: Мир после кризиса... 2009: 57–58]¹¹. Кто же будет пополнять в дальнейшем пенсионные фонды, кто будет выполнять социальные обязательства перед сотнями миллионов пожилых избирателей? Причем идет не только рост числа пенсионеров и социально застрахованных, но одновременно и увеличение объема, сложности и стоимости обязательств, в частности медицинских услуг.

Действительно, в таких обстоятельствах и при замедлении темпов экономического развития на Западе, а также с учетом крайне тревожащего роста государственного долга во многих странах гарантии выплат пенсий и других социальных страховых обязательств отнюдь не выглядят абсолютно надежными.

Здесь надо учитывать, что большинство пенсионных денег сосредоточено не в государственных, а в тысячах частных (негосударственных) пенсионных фондов, которые весьма активны в поисках наиболее надежных и выгодных вложений. Объемы денег в пенсионных фондах очень велики. По миру это десятки триллионов долларов. И ведь это не какие-то финансовые производные или «плохие» долги, а кровные денюжки, отложенные за десятки лет. Так, по некоторым данным объемы американских пенсионных фондов к моменту кризиса составляли примерно 10 трлн долларов [Штефан 2008]. Кризис привел к существенным потерям и даже разорениям многих из них. Как сделать сохранение этих богатств надежным? Надежность, как легко увидеть, понятие весьма относительное. Не надежными могут оказаться лучшие акции, недвижимость, даже государственные бумаги. Российский ПФ потерял в 2008 г. на них 10 млрд руб. [Наумов 2008]. Представляется, что в рамках отдельных развитых стран делать это все сложнее.

В то же время в развивающихся странах есть огромное число молодежи; обеспечить ее работой и дать ей образование является очень трудной задачей. Ее не решить без все более активной интеграции экономик периферийных стран в экономику Мир-Системы, без притока капиталов и технологий с Запада. А без развития мировой финансовой системы такой интеграции не достичь. В то же время пенсионеров в развивающихся странах пока немного, обязательства перед ними сравнительно невысокие, а сроки, когда бремя пенсионеров начнет давить, явно намного более отдаленные, чем на Западе.

И в этих условиях мировые деньги фактически уже начинают участвовать в решении указанной социальной задачи (естественно, что полностью они ее не могут решить). Выглядит это так, что перераспределение капиталов по всему миру, распределение рисков путем вложения в самые разные активы развивающихся стран через множество посредников и специализирующиеся фонды факти-

¹¹ Драматическое изменение пропорции пенсионеров и работающих видно из таких цифр: в 1950 г. в США пропорция пенсионеров и работающих выглядела как 1:16, а в середине 2000-х уже как 1:3, то есть она изменилась в пять раз [см.: Мельянцев 2009: 30].

чески создает для заемщиков, акционеров и реципиентов стран, где много молодежи, финансовые обязательства умножать капиталы в течение длительного времени. И эти умноженные капиталы потенциально пойдут на выплату пенсий и социальных обязательств в страны-кредиторы. Развивающиеся страны заинтересованы в привлечении все новых капиталов, чтобы обеспечить работой новые когорты молодежи. Значительная часть капиталов, которые им нужны, формируется из денег пенсионных, страховых и социальных фондов развитых стран. Иными словами, в известной мере молодежь Индии, Индонезии, Бразилии или Китая косвенно станет работать на стариков Европы.

Итак, страны с богатыми демографическими ресурсами и обширными молодыми когортами населения, но бедные капиталами, через мощнейшую унификацию мировых финансовых потоков, их стандартизацию, возрастающую мобильность и анонимность все сильнее вовлекаются в крайне важный (хотя внешне и незаметный) процесс финансирования пожилых когорт населения западных стран.

Иными словами, глобальные финансы не просто интегрируют капиталы различных регионов мира, но позволяют фактически решать важнейшую социальную, причем исключительно внутреннюю, задачу, которую, однако, становится уже крайне сложно решать в рамках отдельных стран – обеспечение огромной части населения пожилого возраста. В этих условиях проглядывается ситуация, когда неудачи любой страны будут расцениваться как общая неудача. Фактически это опережает (и подготавливает) политическую и правовую глобализацию мира в некоторых очень важных вещах. Такое переплетение интересов, как только оно станет очевидным, заставит активнее идти в направлении институционализации некоторых финансовых и социальных отношений и более тщательного регулирования финансовых потоков и обеспечения безопасности финансовых технологий.

Иными словами, современные финансовые активы и потоки стали глобальными и интернациональными, фактически в них обращаются общие деньги (иное дело, что выгоды могут быть неравноценными). При этом очень важно понимать, что в них крутится большой процент *социальных* денег (пенсионных и страховых), потеря которых может в будущем обернуться трудно прогнозируемыми бедствиями.

Таким образом, более безопасное распоряжение мировым капиталом имеет помимо очевидных экономических и социальных еще и такой социальный вопрос, как безопасность будущего пенсионеров и социально незащищенных людей (которые, конечно, в рамках сделок и на национальном уровне как-то страхуются, но что могут значить страховки в условиях глобального обвала?). А значит, вопрос о каких-то институциональных условиях финансовой глобализации становится еще более важным. Однако сколько понадобится кризисов, чтобы он решился?

5. Ощущение необходимости изменений

Сегодня многие специалисты видят нынешние проблемы мировых фондовых рынков в несовершенстве системы их регулирования¹², хотя очень многие (если не большинство специалистов, по крайней мере американских) по-прежнему полагают, что проблемы на фондовых и финансовых рынках возникли не столько в связи с от-

¹² См. анализ этих взглядов, например: Доронин 2003: 129–130.

сутствием наднационального регулирования фондовых рынков, сколько в связи с недостатками и несовершенством национального регулирования. Надо отдать должное, в США из кризиса сделали некоторые выводы, в частности начинают обсуждать и/или принимать меры по более жесткому регулированию. Началась чистка «плохих» и «токсичных» долгов. Все это важно, особенно учитывая гигантское влияние американских финансовых институтов и инструментов на мир.

В последнее время много (и во многом правильно) высказываются по поводу того, в каком направлении необходимо регулировать финансовую деятельность. Можно привести и достаточно яркие цитаты из сегодняшней литературы по этому поводу. Например, У. Шефер пишет: «Особенно рискованные финансовые продукты должны быть запрещены. Сейчас если кто придумает новый финансовый инструмент, то может его уже на следующий день предлагать своим клиентам. Кто изобретет, например, новый дериват, не обязан его нигде регистрировать, ни в каком ведомстве, и может его просто продавать. Последователи свободного рынка полагают, что финансовые рынки сами все отрегулируют и отбракуют плохие продукты. На самом же деле этого не происходит. Банки и фонды триллионами выбрасывали на рынок “токсичные отходы” и при этом распространяли убеждение, что из большого количества сомнительных вложений можно с помощью определенных конструкций создать по-настоящему ценные бумаги. Никто при этом не чувствовал себя ответственным за все это. Но если рынок не в состоянии взять на себя ответственность, то тогда это должно сделать государство. Нужно, чтобы финансовые концерны были обязаны предварительно регистрировать все финансовые продукты, которые они изобретают, – примерно так, как это обстоит с лекарствами в фарминдустрии. Государственное ведомство должно предварительно проверять и тестировать все финансовые инструменты, прежде чем банки получат право их продавать. И если эти инструменты слишком опасны, ведомство должно их запрещать» [Schäfer 2009: 279–280]. «Ведомства по контролю над финансовыми рынками должны разделить рейтинговые агентства таким образом, чтобы одна часть занималась определением финансового рейтинга, а другая – консультированием банков. При этом рейтинговые агентства и их заказчики должны публиковать всю информацию, которая использовалась для определения рейтинга. Тогда любое другое рейтинговое агентство может проверить присвоенный рейтинг и в случае несогласия опубликовать собственную оценку» [Ibid.: 280].

«Бизнес налоговых оазисов (офшоров. – Л. Г.) состоит собственно в том, чтобы высасывать деньги из промышленно развитых стран. “Оазисы” привлекают сверхнизкими налоговыми ставками. Они предлагают вкладчикам абсолютную тайну и освобождают финансовые концерны от каких-либо проверок. Поэтому индустриальные страны должны принудить “оазисы” отказаться от банковской тайны и заставить их сообщать иностранным налоговым ведомствам обо всех доходах с капитала. “Оазисы” должны поднять свои налоги до некоего международно приемлемого уровня. Добровольно они этого не сделают. Поэтому в случае необходимости их нужно принудить к этому с помощью экономических санкций» [Ibid.: 284].

Нетрудно заметить, что в данной выдержке в целом (за исключением последнего абзаца, довольно, впрочем, важного) призывы обращены к национальному правительству. Но хотя роль национального регулирования по-прежнему очень велика, сегодняшняя ситуация на финансовых рынках – в отличие от прежнего вре-

мени – уже такова, что в одиночку государствам не справиться. И раз финансы все заметнее становятся международными (и, как мы видели, они выполняют объективно важную роль, которую уже не решить в национальных масштабах), следовательно, нужны наднациональные решения.

О необходимости перехода от национального уровня регулирования к наднациональному отдельные ученые говорят довольно давно [например: Ван дер Вее 1994: 374; Сорос 1999]. Л. Туроу, как и ряд других аналитиков, видит причину нестабильности мировых фондовых рынков в противоречии между международным характером операций на мировых фондовых рынках и национальной природой самих фондовых рынков. Однако он очень верно замечает, что хотя эпоха национального экономического регулирования кончается, эпоха глобального экономического регулирования еще не пришла [Туроу 1999: 158]. Произойдут ли решительные перемены в этом направлении сегодня?

Современный глобальный кризис ярко, как никогда раньше, продемонстрировал необходимость крупных изменений в регулировании межнациональной экономической деятельности и движения мировых финансовых потоков, потребность в росте согласованности действий правительств и определенной унификации законодательства. Фактически нужна новая система финансово-экономического регулирования в мировом масштабе.

Осознание причин кризиса может дать толчок началу витка глобальных изменений, однако путь этот долог. Но даже переход только к самому начальному этапу новой системы наднационально-национального регулирования уже будет означать очень глубокие изменения, причем многие трансформации сегодня просто трудно предвидеть. То, что политический ландшафт и расстановка сил в мире изменятся в ближайшие десятилетия, ощущается все сильнее. «Международная система – в том виде, в каком она возникла после Второй мировой войны, – к 2025 г. изменится практически до неузнаваемости благодаря подъему новых держав, глобализации экономики, историческому переходу относительного богатства и экономического могущества с Запада на Восток и растущему богатству негосударственных субъектов», – считают американские аналитики [Мир после кризиса... 2009: 12].

НЕСКОЛЬКО СООБРАЖЕНИЙ О ВОЗМОЖНОСТЯХ РАЗВИТИЯ МИР-СИСТЕМЫ

1. Смена лидера или коренное изменение системы?

Сегодня вполне очевидно, что происходит ослабление экономической роли США как центра Мир-Системы и в более широком смысле – ослабление экономической роли развитых государств в целом¹³. Поэтому нет сомнения, что раньше или позже (а в целом относительно скоро) положение США как лидера Мир-Системы изменится, и их роль снизится. И этим очень обеспокоены многие в самих США. Сегодняшний кризис будет важным этапом в этом направлении ослабления нынешнего лидера. В целом, как я уже писал, прежние приоритеты и осно-

¹³ Оно выражается в замедлении темпов экономического роста мир-системного центра при ускорении этих темпов в большей части мир-системной периферии, в слишком быстрой и анархичной деиндустриализации, зависимости от дешевого импорта и импорта капиталов, дефицитности бюджетов и росте общей задолженности общества, в динамике некоторых демографических показателей и т. д. Все это возрождает идеи смерти Запада [см., например: Бьюкенен 2007].

вы мирового экономического порядка, опирающиеся на выгодные для США основания, рано или поздно начнут трансформироваться в новый порядок. Такая трансформация и составит в ближайшем будущем коллизии взаимоотношений между национальными интересами США, с одной стороны, и общемировыми интересами – с другой [см. подробнее: Гринин 2008а; 2009г].

Однако такая коллизия приведет к исключительно большим изменениям, которые, к сожалению, не учитываются. Обычно предполагается, что место США как лидера займет ЕС, Китай или кто-то еще (от Индии до России [см., например: Frank 1998; Пантин, Лапкин 2006]). Но это глубокое заблуждение – моделировать изменения в Мир-Системе главным образом с позиции смены лидера в ней. Фактически сегодня мы имеем дело не просто с кризисом в Мир-Системе и даже не просто с кризисом центра Мир-Системы; мы имеем дело с кризисом устоявшейся и вполне понятной модели ее структуры во главе с лидером, который сосредоточивает у себя целый ряд аспектов лидерства: политического, военного, финансового, валютного, экономического, технологического. США также выступают как передовой отряд развитых стран в целом, приоритет которых в мире очевиден. Таким образом, имеется довольно сложная структура лидерства: США – ведущие страны Европы и Япония – тянущиеся к ним довольно высокоразвитые страны АТР и среднеразвитые страны Европы – есть также прилегающие к США страны (Мексика и др.).

Говоря о потере США статуса лидера, мы должны подразумевать не замену лидера Мир-Системы, а коренное изменение всей структуры мирового экономического и политического порядка. Проблематична же замена лидера Мир-Системы хотя бы потому, что **место, подобное США, уже не может занять никто, поскольку никто не может сосредоточить сразу столько лидерских функций.** И лишь только поэтому (а есть и много других причин) потеря США роли лидера будет означать глубокую трансформацию самой Мир-Системы.

Прежде всего отметим, что позиции США как мирового лидера являются уникальными в истории. Причем соединение в одном центре – в США – экономического, финансового, военного, политического и научно-инновационного потенциала после Второй мировой войны, как мне представляется, было в целом положительным моментом (наличие альтернативного политического и военного центра в виде СССР в чем-то даже усиливало это положительное значение). Вспомним, что лидером Мир-Системы США стали после Первой мировой войны. Но тогда они сосредоточили у себя только экономическое и финансовое могущество без политического, к которому США даже и не стремились. Следует подчеркнуть, что такая ситуация отсутствия признанного лидера Мир-Системы в существенной степени способствовала более тяжелому проявлению кризисов в экономике и политике Мир-Системы в межвоенные годы и возникновению Второй мировой войны.

В 1960-х гг. произошло сокращение экономической роли США, что привело к созданию трехцентральной модели экономического лидерства: США – Западная Европа – Япония. Однако важно отметить: эта система сформировалась под политическим и военным (признаваемым и желаемым) лидерством США. Эта структура показала свою жизнеспособность в течение почти четырех десятилетий. Она работает и сегодня, но если не удастся восстановить экономическую динамику западных стран, ее роль будет слабеть (а динамика явно ослабла во всех трех центрах). К сожалению, сегодня эти центры уже гораздо меньше могут дать друг

другу для лидерского импульса, так как у них во многом сходные проблемы. Их шанс усилиться заключается в объединении сил для закрепления определенных преимуществ развитых стран, полезных также и Мир-Системе в целом (см. ниже), аналогично тому, как усилился Запад в условиях расширения социалистического блока и распада колониальных империй, когда объединился в военно-политическом, идеологическом и частично экономическом плане в 1940–1950-е гг.

Не исключено, конечно, что появление новых революционных технологий способно дать определенный импульс экономическому развитию США (как было во второй половине 1980-х и в 1990-х гг.), а вместе с тем и Запада в целом; но, во-первых, в ближайшее десятилетие таких технологий как будто не ожидается, а за это время дела в американской экономике, скорее всего, будут развиваться по пути усугубления проблем; во-вторых, для получения большого результата от передовых технологий требуется длительное время, измеряемое самое меньшее 15–20 годами. А за это время многое изменится. В-третьих, даже новые технологии вряд ли могут помочь сохранить военное и политическое лидерство и т. д.

Итак, очевидно, что место, подобное США, уже не может занять никто, что **в мире нет – и в обозримом будущем не предвидится их появления – ни одной страны и даже группы стран, которая смогла бы соединить в себе несколько аспектов лидерства.**

Не будет таким и Китай. У него пока недостаточно возможностей даже для того, чтобы стать экономическим лидером. Когда Китай прочат на место такого лидера Мир-Системы, не учитывают, что его экономика не инновационная – она развивается на технологиях не только не завтрашнего, но во многом даже и не сегодняшнего дня¹⁴. К тому же она слишком ориентирована на экспорт. И в этом плане она несамостоятельная. Сегодня, конечно, нет полностью самостоятельных экономик, но все же есть гораздо более самодостаточные, чем китайская¹⁵. Мало того, ее динамика, мощь и успехи, как представляется, во многом основаны на привязке к другим, богатым экономикам, в большой степени зависят от их колебаний¹⁶. На мой взгляд, не может существовать экономический центр Мир-Системы, который ориентирован на экспорт *неинновационной* (и даже недостаточно высокотехнологичной) продукции.

Для выполнения роли центра Мир-Системы китайская экономика должна стать инновационной, высокотехнологичной (отметим, что инновационность сегодня лежит в иных экономических направлениях, чем тяжелая или поточная

¹⁴ Даже оптимистично настроенные в отношении способности Китая еще долго обеспечивать сверх-высокие темпы роста ВВП исследователи отмечают, что Китай сталкивается с угрозой постоянного увеличения технологического отставания от США, ЕС и Японии [Михеев 2008]. «Китай, по его научному потенциалу, не сможет стать пионером в области фундаментальных исследований и обеспечить широкий приток прорывных технологий» [Там же: 319]. Хотя, по некоторым данным, по величине абсолютных затрат на НИОКР КНР уже вышла на третье место в мире после США и Японии [Мельянцев 2009: 123–124].

¹⁵ В частности, роль экспорта в экономике Китая примерно в 2,5 раза выше, чем в Индии [рассчитано по: Мировая экономика... 2008: 387; Мельянцев 2009: 106]. Хотя доля экспорта и в ВВП Индии неуклонно растет [см.: Володин 2008]. Разумеется, есть и гораздо более экспортно ориентированные экономики, чем Китай, например Южная Корея.

¹⁶ Попутно замечу, что объяснение относительно небольшого замедления темпов роста Китая, Индии и некоторых других стран в период кризиса еще требует исследования, но уже очевидно, что следует учитывать, во-первых, определенную инерцию развития, во-вторых, усилия государства по поддержанию внутреннего спроса и очень большие финансовые вливания. Кроме того, как уже сказано выше, не исключено, что именно эти страны станут жертвой следующего кризиса.

промышленность). Однако у Китая сегодня для этого нет условий. Требуется не менее 20–25 лет, чтобы выйти на передовые рубежи по инновациям. В некоторых отношениях технологическим лидером скорее могла бы стать Индия, но в Индии нет массы других компонентов лидерства, которые есть в Китае¹⁷.

Поэтому идея, что через 15–20 лет многие страны будут привлекать скорее китайская модель альтернативного развития, чем западные модели политического и экономического развития [Мир после кризиса... 2009: 8], вызывает сомнения. Западные модели могут подвергаться критике, а успехи Китая, разумеется, не могут не привлекать внимания. Но маловероятно, чтобы кто-либо (кроме разве что КНДР) попытался ввести такую модель, как в Китае. Дело в том, что ее просто невозможно ввести. Для этого надо иметь тоталитарную компартию¹⁸. Даже СССР не мог скопировать китайскую модель.

Вопрос о перестройке модели экономики Китая в значительной степени связан со способностью Китая сохранять нынешние высокие темпы роста, а последнее крайне важно для идеологического и иного престижа китайского руководства (хотя в нем есть крыло, которое считает, что необходимо снизить темпы роста, чтобы уменьшить расслоение в обществе и напряжение в нем). Переход к модели более инновационной экономики, в большей степени ориентированной на внутреннее потребление, затруднен, как мне думается, следующими моментами: а) рост внутреннего потребления означает рост уровня жизни и стоимости китайской рабочей силы, которая и без того растет; б) скорее всего, рост стоимости рабочей силы не будет компенсирован соответствующим ростом производительности труда; в) следовательно, стоимость экспортных товаров может вырасти, их конкурентоспособность – упасть, а привлекательность инвестиций в Китае – снизиться¹⁹. Отсюда может произойти замедление темпов роста. Таким образом, переход к новому типу экономики в Китае при одновременном сохранении его лидерства в темпах экономического роста вряд ли возможен. Хотя внутренний спрос и будет развиваться, но либо он не сможет в достаточной степени занять место экспортного спроса, либо это будет означать глубочайшую структурную перестройку экономики. Инвестиции в инфраструктуру, строительство жилья и прочее могут быть локомотивом развития, но только если будут достаточные ресурсы от экспорта; сочетать сразу два направления вряд ли удастся²⁰. Сокращение темпов роста означает сокращение доходов государства при усилении проблемы безработицы и роста его социальных обязательств.

¹⁷ В этом плане любопытны предположения [Мир после кризиса... 2009: 46], что через десять лет Индия почти достигнет уровня США по показателю (в измерении модели Национальной инновационной системы НИС) человеческого и научного капитала, а Китай почти догонит США по показателю государственной восприимчивости к инновациям в бизнесе. Хотя это и сомнительно, но показательно в плане разных векторов развития этих двух великих азиатских держав. Отметим также, что довольно показательны и различия в структуре экспорта Китая и Индии. Если у первого рост экспорта обеспечивается на 90 % ростом вывоза товаров, то у второй – на 40 % увеличением экспорта услуг, особенно информационных [Мельянцева 2009: 107]. США же, скорее всего, еще достаточно долгое время будут сохранять роль инновационного лидера Мир-Системы с учетом того, что США производят сегодня 40 % общемировых затрат на НИОКР [Там же: 60].

¹⁸ Те, кто мог, уже ввели ее, как, например, Вьетнам.

¹⁹ Еще и до кризиса прогнозировалось некоторое снижение прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в китайскую экономику в ближайшие 15 лет [см.: Михеев 2008: 311].

²⁰ Переориентировать экономику оказывается очень сложным делом даже для таких развитых стран, как Япония; вспомним, что и в России не удается переориентировать экспорт уже несколько десятилетий.

Мало того, можно предположить, что после кризиса темпы роста китайской экономики неизбежно рано или поздно снизятся (безразлично, будут ли удачными попытки переориентировать экономику с экспортной модели на внутриспотребляющую или нет). В результате может начаться то, что было в Японии после 1975 г. Однако замедление темпов роста в авторитарной стране, где скоро начнется заметное старение населения, приведет к обострению социального положения, изменению приоритетов государства, что окончательно может ослабить экономические потенциалы. Сила развивающего импульса в Китае еще очень велика, инерция еще очень сильна, но достаточно очевидно, что все это, скорее всего, будет слабеть. Одновременно с этим будут расти опережающими темпами представления о стандартах жизни, по крайней мере, у большей части китайского населения. Это хорошо, так как будит энергию и поиск у части населения, но в то же время плохо, так как увеличивает необоснованные претензии к государству и снижает конкурентоспособность китайской экономики.

2. Гипотетические и реальные альтернативы

Таким образом, будущая Мир-Система уже не сможет иметь такую же, как сегодня, структуру со столь же сильным центром. Что же может быть альтернативой сегодняшнему «порядку» в мире? Здесь мы ступаем на зыбкую и неблагоприятную почву прогнозов.

Рассмотрим будущую структуру сначала исходя из следующего вполне правдоподобного, но все же гипотетического предположения. Объективно глобализация ведет к тому, что должны появиться какие-то новые формы политических и экономических образований надгосударственного типа. ЕС представляет лишь один вариант такого типа, другие типы и формы сейчас еще только намечились или намечаются. Но они могут сложиться довольно быстро при благоприятных обстоятельствах. Крупнейшие государства (США, Китай, Индия) достаточно долгое время могут соперничать с такими надгосударственными образованиями, но все же будущее не за отдельными государствами, а за наднациональными объединениями.

Исходя из такой гипотезы, новым лидером Мир-Системы, если он вообще появится, вряд ли будет отдельное государство, скорее им мог бы стать только блок государств (к тому же потенциально растущий). Возглавит ли такой альянс кто-то из наиболее крупных государств современного мира или он вырастет из коалиции государств средней величины и мощи? Или же такая коалиция возникнет на других основах? Очевидно, что ни Китай, ни Индия не сумеют объединить вокруг себя какую-то релевантную группу стран по своим политическим, а Индия – и по цивилизационным особенностям. Чтобы стать таким интегрирующим центром, Китай должен изменить свой политический режим²¹. А это для Китая, скорее всего, будет означать тяжелые потрясения (а возможно, и развал), сохранение же политического режима требует опоры на свои силы.

Более органичная интеграция американского региона под эгидой США (некоей пан-Америки) могла бы теоретически возродить роль США как мирового цен-

---

²¹ Правда, у Китая есть те или иные планы более активной интеграции с соседями. В частности, идея зоны свободной торговли «Китай + АСЕАН» и единого интеграционного пространства в Северо-Восточной Азии (СВА) с участием Японии, Китая и Южной Кореи и, возможно, российских энергетических ресурсов. Но с учетом напряженных отношений Китая и Японии все это выглядит малореальным [см. подробнее: Михеев 2008: 319].

тра. Но расклад политических сил в Латинской Америке слишком неустойчивый, а уровень развития государств сильно отличается. Бразилия уже сама по себе встала в первый уровень крупных стран. К тому же игра на противостоянии Штатам оказывается большим искусом для целого ряда режимов. Союз с Мексикой и Канадой (НАФТА) не сможет выполнить такой роли, которая могла бы решить указанную выше задачу, хотя и обеспечивает Канаде и Мексике более 85 % всего экспорта.

Из всех вариантов возникновения такого лидирующего гипотетического союза европейский вариант имеет наибольшую, пусть в целом также небольшую, вероятность. Хотя расширение Европы сталкивается с естественными географическими ограничениями, однако не исключено, что когда-нибудь станет реальным и план вступления в ЕС Турции с ее более чем 70-миллионным населением. Это сделало бы Европу уже сверхъевропейским союзом (стоит учитывать и развитие связей ЕС с неевропейскими средиземноморскими странами). А если бы Европе удалось интегрироваться с Россией, Украиной, Белоруссией, это могло бы дать определенный импульс для перестройки мир-системных отношений и даже сформировать какой-то сильный центр. Это весьма сложный, хотя и не невозможный для реализации вариант.

Все перечисленные варианты маловероятны. А значит, наиболее реальной альтернативой роли США пока остаются только... сами США. Поэтому в ближайшие одно-два десятилетия США останутся наиболее реальным лидером, если, конечно, американцы сами не подорвут свои позиции (резким поворотом внешнеполитического курса, сильной девальвацией доллара, дефолтом или экономическим обвалом). В отсутствие в настоящий момент явного лидера в противовес США мир вынужден способствовать сохранению США как безальтернативного, пусть и дряхлеющего, центра, поскольку всякое ослабление позиции США может привести к неуправляемой во многом трансформации Мир-Системы. Возникает своего рода «цикл дисбалансов» [Мир после кризиса... 2009: 42], поддерживающих друг друга. С одной стороны, это на руку США, но с другой – отсутствие жесткой конкуренции за лидерство сильно ослабляет возможности США к обновлению. Есть мнение, что хотя спрос на лидерство США все еще останется высоким, заинтересованность и готовность США играть лидирующую роль могут снизиться, поскольку американские избиратели пересмотрят свое отношение к экономическим, военным и иным издержкам американского лидерства [Там же: 171]. Точнее говоря, скорее могут быть колебания во внешнеполитической линии, вариации на тему борьбы изоляционизма и гегемонизма, в результате чего на какое-то время внешнеполитическая активность США может снизиться. Но переход государств от политики откровенного гегемонизма и внешней экспансии к пассивной внешней политике в истории имел место неоднократно, в частности в Японии, Германии и в самое новейшее время в России.

В условиях неопределенности число вероятных сценариев может быть велико. Так, в докладе Национального разведывательного совета США, структуры, близкой к американской разведке²², рассматривается четыре гипотетических варианта: «мир без Запада», когда новые силы вытесняют Запад с лидирующих позиций в геополитике; «октябрьский сюрприз» – экологическая катастрофа; «раз-

²² Опубликован в виде книги, на которую я уже ссылался: Мир после кризиса... 2009.

рушение БРИК» – конфликт между Индией и Китаем из-за доступа к жизненно важным ресурсам; «политика не всегда локальна» – когда различные негосударственные структуры объединяются, чтобы разработать международную программу по вопросу окружающей среды и избрать Генсека ООН. Все они, хотя и опираются на определенные тенденции современности, выглядят недостаточно реальными, что, впрочем, признают и сами авторы [Мир после кризиса... 2009: 29].

При большом спектре вариантов будущего рассмотреть все вариации оказывается довольно затруднительным. Поэтому лучше избрать какие-то основные параметры анализа гипотез. Возьмем такой важный, на мой взгляд, параметр будущего развития, как *степень внезапности и остроты* геополитических и геоэкономических изменений. Очевидно, что когда процесс идет постепенно, к нему привыкают, на него пытаются воздействовать, и система хоть как-то успевает трансформироваться. Когда изменения происходят внезапно, на какой-то период возникает вакуум системности и порядка, хаос, возведение наспех временных и потому далеко не всегда удачных конструкций. Рассмотрим два таких гипотетических варианта: постепенных и внезапных изменений²³.

Первый – когда ослабление мощи США идет не резко, а постепенно. В этом случае возможно, что США, пытаясь сохранить свое лидирующее положение, с одной стороны, будут вынуждены маневрировать, вступать в коалиции, уступать в тех или иных вопросах, принимать какие-то общемировые идеи, чтобы не потерять лидерства и сохранить приемлемый геополитический баланс. А с другой – США будут стремиться что-то создать в мировом масштабе, пробовать институционализировать ситуацию, чтобы в каких-то общепринятых международных и межгосударственных договоренностях или системах взаимодействия (организациях, консультациях, иных формах) попытаться закрепить свое положение первых среди равных, но в то же время не настаивать на абсолютной или даже явной гегемонии, какая есть сегодня. Разумеется, тут потребовалось бы большое искусство. Этот процесс пошел бы удачнее, если бы США удалось, как рекомендовал З. Бжезинский, объединиться в важных направлениях с Европой и Японией [Бжезинский 2005]. На мой взгляд, объединяться надо по максимальному числу проблем. Запад – в условиях низких темпов роста в развитых странах – объективно заинтересован в создании такого порядка, который бы оформил некоторые его преимущества институционально (и в известной мере это было бы полезно для всей Мир-Системы)²⁴. Насколько эта необходимость может быть вовремя осознана, конечно, большой вопрос, но от того, произойдет ли такое осознание раньше или позже, во многом может зависеть успех такой институционализации²⁵. Это был бы, условно говоря, сценарий «планируемой перестройки».

²³ Хотя, скорее всего, процесс будет неровным: медленные неуправляемые изменения будут сменяться какими-то крупными, но не фатальными обвалами и кризисами, подстегивающими процесс трансформации и даже меняющими его направления.

²⁴ Пример такого закрепления – определение пяти ведущих держав, имеющих право вето в СБ ООН. Расклад сил в мире меняется, а этот порядок сменить не так просто.

²⁵ Один из возможных приемлемых для Запада выходов – квотирование темпов экономического роста, чтобы сдерживать слишком быстрое развитие периферии (о возможностях такого квотирования см.: Гринин 2009г). Если же ограничения нельзя добиться путем прямых квот на экономический рост, то можно, например, под видом борьбы за всемирную экологию, права наемных работников, усилив борьбу против нечестной конкуренции и т. п.

Второй вариант возникает в случае, если изменение позиции США произойдет резко, например в результате внезапного обвала доллара и особенно вследствие дефолта Америки (допустим, при неожиданном изменении ситуации в мировой экономике вследствие еще более сильного, чем осенью 2008 г., кризиса).

В этом случае общественное мнение США вполне может качнуться в сторону сворачивания мировых функций США, что дополнительно усилит вакуум международного управления. В такой ситуации возможны анархия (менее вероятный сценарий) или собирание («сколачивание») наспех какой-то системы, способной поддержать заваливающийся мировой порядок, для решения сиюминутных дел, какие-то паллиативные решения и договоренности, которые в целом в дальнейшем могут оказаться перспективными.

Однако из всех гипотетических вариантов мне представляются самыми вероятными два альтернативных. Первый – естественно, более предпочтительный – расширение «клуба» ведущих мировых игроков до такого их числа, которое позволит как-то влиять на ход мирового развития (о нем будет сказано дальше). Второй вариант – спонтанного неуправляемого развития, когда главные игроки будут в основном озабочены внутренними проблемами, политики – рейтингом популярности, а общемировые проблемы будут решаться постольку-поскольку. Японское общество является хорошим примером такой самоизоляции (хотя и там уже проявляются определенные тенденции к интеграции), ЕС также слишком часто демонстрирует замкнутость на собственных интересах. Для западных стран есть также опасность стать заложниками демократической системы, когда положение политиков не позволяет им думать о будущем, и они окончательно превращаются в демагогов и политиканов. При этом вовсе не исключены эксцессы протекционизма и прочих антиглобализационных мер. В этом случае только внезапные встряски вроде современного кризиса могут пробудить западных политиков и западные общества от спячки; полезными оказываются и всплески национально-цивилизационной и гегемонистской гордости.

3. Усилятся ли дефицит глобального управления и фрагментированности мира?

Мне неоднократно и по разным поводам приходилось писать о том, что экономическая и финансовая глобализация намного опережает развитие международного права и политическую глобализацию [См., например: Гринин 2008а; 2008б; 2008в]. Усилятся ли такое отставание политической составляющей Мир-Системы от экономической в ближайшие десятилетия? Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, каким может быть экономическое развитие в ближайшем будущем. Многие экономисты и обществоведы, приводя разные аргументы (в том числе опираясь на динамику знаменитых кондратьевских циклов), считают, что в ближайшие 15–20 лет экономическое развитие мира, скорее всего, будет идти более медленными темпами, чем в предшествующий период. Я придерживаюсь подобного же мнения [Гринин, Коротаев 2010]. Но если этот прогноз оправдается, не сумеет ли политическая составляющая Мир-Системы за это время несколько подтянуться? К тому же ослабление лидерской позиции США и отсутствие альтернативы (в любом случае смена лидера – процесс долгий и сложный), очевидно, должна вести к тому, что международная система начнет трансформироваться быстрее и значительно. Следовательно, мы входим в период поиска новых структурных и системных

решений в рамках Мир-Системы, а это означает, что нас ждет в ближайшем будущем достаточно сложный период. Выработка и упрочение модели нового политического порядка в рамках Мир-Системы будет трудным, длительным, а также относительно конфликтным процессом.

Так или иначе, дефицит глобального управления, а также «растущей институциональной нехватки»²⁶ имеет место, и в ближайшие десятилетия он явно не исчезнет. Можно предположить, что он станет идеологически более осмысленным, а проекты устранения этого дефицита обретут уже какие-то относительно зримые очертания. Но глобальное управление требует больших усилий и существенных жертв. До какой степени государства и негосударственные субъекты пожелают или смогут вынести возрастающее бремя глобального управления? Отказ разделить это бремя усугубит ситуацию «растущей институциональной нехватки». Похоже, стран, которые рискнут взять в одиночку на себя какое-то бремя международного регулирования, окажется мало, так же, как сегодня немногие государства берут на себя обязательства делать крупные взносы в международные организации, включая ООН. Вот почему какое-то время многие страны будут по-прежнему заинтересованы в лидерстве США, хотя, как сказано выше, последним в определенных условиях оно может стать неинтересным или уже непосильным. Тем же отдельным крупным державам, кто оспаривает лидерство США, глобальное регулирование также, скорее всего, будет не под силу.

В такой ситуации могут выявиться наиболее важные сферы, участвовать в регулировании которых будет выгодно, а также отдельные важные области, принимать участие в регулировании которых придется в рамках международных обязательств. Это должно усилить тенденцию к коллективным действиям всякого рода, к формированию объединений, к развитию разных видов сотрудничества, а также будет трансформировать глобальное управление в сторону новых технологий.

Американские аналитики считают, что: а) в ближайшее время политикам и общественности придется справиться с растущим спросом на многостороннее сотрудничество; б) нынешние тенденции ведут к возникновению в следующие 15–20 лет фрагментированного и полного противоречий мира; в) многополярность и бесструктурность – основные черты будущей системы [Мир после кризиса... 2009: 8, 25–26, 180].

Что касается спроса на многостороннее сотрудничество, он и сегодня уже высок, а завтра вырастет сильнее. Но представляется, что такой рост, во-первых, дает шанс ряду региональных держав и союзов усилить свои позиции, во-вторых, будет способствовать ускоренному образованию самых разнообразных форматов многостороннего сотрудничества. Стоит заметить, что *в идеале новый международный порядок сложился бы наиболее удачно при формировании, с одной стороны, достаточного количества различных по типу и по уровню охвата наднациональных союзов, коалиций, координационных центров, многосторонних договоренностей и влиятельных негосударственных организаций и сетевых систем; а с другой – при наличии хоть как-то признанного де-факто, а еще лучше – де-юре, институционализированного ведущего центра Мир-Системы.*

Многополярность (хотя в это понятие вкладывается слишком разный смысл) стала геополитическим лозунгом ряда держав, и она как будто складывается.

²⁶ Об институциональной нехватке см.: Мир после кризиса... 2009: 13, 20.

Формируются новые центры силы (экономической в первую очередь, но также и военно-политической), намечаются в связи с этим новые конфигурации в рамках Мир-Системы. Но в любом случае многополярность в условиях мирного существования в принципе означает тот или иной мировой порядок, поэтому многополярность и бесструктурность – понятия противоположные.

Усиление же фрагментированности означало бы распад (хотя бы и временный) Мир-Системы. Насколько это вероятно? Мне все же представляется, что маловероятно, слишком уж привыкли к определенным реалиям некоего квазиединства. Ведь даже кризис не привел к расколу, а в определенной мере сплотил мир. Кажется также, что формируется некое глобальное сознание. Вот только один пример таких неожиданных метаморфоз современной экономической психологии. В период особенно низкого падения производственных индексов в 2008–2009 гг. среди экономистов все чаще стала повторяться мысль, что экономика Китая вытянет весь мир, а значит, не все так страшно.

4. Эпоха новых коалиций и трансформация суверенитета

Мне уже приходилось писать, в том числе и в журнале «Век глобализации», о процессе трансформации содержания национального суверенитета, то есть процессе сокращения реального объема суверенных полномочий государств, причем во многом добровольного²⁷. Необходимость подтянуть политическую составляющую Мир-Системы, усилить глобальное регулирование финансовых и иных агентов усиливает процесс трансформации суверенитета, поскольку государства должны в чем-то добровольно ограничить себя, а в чем-то взять на себя дополнительные функции. Мировой кризис более ясно обозначил пределы суверенитета, показал, что даже США не могут более действовать без реальной поддержки других стран.

«К 2025 году не останется единого “международного сообщества”, состоящего из национальных государств. Власть в большей степени рассредоточится между новыми игроками, приходящими со своими правилами игры, а также увеличится риск того, что западные альянсы ослабеют» [Мир после кризиса... 2009: 8]. Действительно, скорее всего, реальный состав «международного сообщества» в ближайшие десятилетия будет более сложным, поскольку в него добавятся какие-то наднациональные союзы, официальные или неофициальные совещания лидеров стран и союзов, временные или постоянные коалиции, возможно, и негосударственные организации.

Однако трансформация суверенитета на фоне создания нового мирового порядка вовсе не однонаправленный и однолинейный процесс. Во-первых, национальное государство еще долго будет ведущим игроком на мировой арене, поскольку в обозримом будущем многие вопросы способно будет реально решать только государство. Во-вторых, в чем-то суверенность может усиливаться, так как современный кризис вновь показывает, что судьба национальных экономик в огромной степени зависит от силы государства. Поэтому вполне вероятно, что самое ближайшее будущее может показать определенный «ренессанс» роли государства и его активности на мировой арене. Также вероятен возврат в ряде стран некоторых суверенных полномочий, отданных (порой бездумно) тем или иным наднациональным организациям, сообществам или просто мировому капиталу. При долгосрочных тенденциях такие приливы

²⁷ Подробнее об этом процессе см.: Гринин 2008в; 2009г; Grinin 2009: 47–53.

и отливы, колебания и флуктуации не только возможны, но и неизбежны. Например, неуклонное, казалось бы, движение к демократии вдруг в первой половине XX в. сделало вираж в сторону тоталитаризма; развитие в направлении свободной мировой торговли было в последней трети XIX в. развернуто в сторону протекционизма. Поэтому возврат к этатизму вполне может быть и достаточно длительным, и в определенной мере вполне полезным.

Тем не менее хотелось бы отметить, что такой возврат к повышению роли государства уже не может осуществиться на прежних началах, когда выгода государства – даже в рамках выполнения им принятых на себя обязательств и соблюдения общепринятых международных норм – воспринималась в международных отношениях как высшее основание для его деятельности на международной арене. Я полагаю, что возврат роли государства не может быть успешным без значительного изменения его внешнеполитической идеологии. Иными словами, можно предположить, что в основе концепции и проведения внешней политики уже в существенно меньшей степени, чем сегодня, будут лежать откровенно эгоистические интересы государств²⁸. Разумеется, национальный эгоизм не исчезнет очень долго (если вообще когда-нибудь исчезнет), но он начнет сильнее, чем это делается сегодня, камуфлироваться наднациональными интересами и нуждами. Точнее говоря, всякая акция может требовать помимо реального интереса также и определенного идеологического обоснования. Рассмотрение мировой арены как «великой шахматной доски» (Бжезинский), где выигрывает сильнейший, а мелкие фигуры могут размениваться и приноситься в жертву, возможно, уже не будет востребованным. Мировая арена скорее будет рассматриваться как общее поле интересов, в котором надо устанавливать выгодные для всех правила игры и как-то их поддерживать. Поэтому есть ощущение, что, конечно, не вдруг, но постепенно во внешней политике начнут усиливаться лозунги общего (регионального, мирового, группового) блага, хотя за формулировкой «кто лучше представляет мировые интересы» могут скрываться, как всегда, эгоистические цели²⁹. Но это приведет к довольно существенным изменениям, причем во многом положительным. Во всяком случае, страны, которые будут продолжать грубо отстаивать национальный эгоистический интерес, в конечном счете проиграют. Неизбежно претерпит радикальные изменения также политика наиболее крупных государств, направленная на то, чтобы прямо и грубо доминировать в мировом или региональном масштабе (включая и наиболее независимого и эгоистичного суверена – США).

В этом случае характер отстаивания национальных интересов, формы соперничества на международной арене, конфликтов и тяжб постепенно начнут приобретать уже иной, чем в прошлом и настоящем, вид. Конкуренция заметнее пойдет за то, кто станет направлять процесс складывания нового мирового порядка. Соперничающие силы должны будут выступать под лозунгами нового, более честного мирового устройства, порядка, за справедливое и бескризисное мировое раз-

²⁸ Один из множества примеров такого откровенно эгоистического подхода – позиция США по вопросам выбросов в атмосферу парниковых газов.

²⁹ Разумеется, и в новейшей истории различные акции проводились и проводятся под эгидой общих интересов, в частности интервенции в зависимые страны (со стороны как СССР, так и США), нажим на отдельные страны под лозунгами защиты прав человека, демократии и т. п. Но в будущем идеологический аспект, думается, весьма заметно усилится.

витие, против национального (особенно американского) эгоизма и т. п. А в проведении такого рода политики, естественно, необходимы союзники и блокировки. Поэтому неизбежно начнется перегруппировка сил на мировой и региональных аренах. В борьбе за почетное место в глобализации и коалициях, в организации и функционировании нового мирового порядка наступает то, что я назвал *эпохой новых коалиций* [см.: Гринин 2009а; 2009г]. В результате могут быть заложены контуры новой расстановки сил на достаточно длительный срок.

Формы, конкретные цели и направленность действий новых коалиций будут зависеть от многих вещей. В частности, от того, насколько далеко зайдет процесс принятия общих решений и какие способы и формы принятия общих решений начнут реализовываться. Представляется, что система простой демократии (одно государство/участник – один голос) на уровне Мир-Системы вряд ли будет жизнеспособной³⁰. Невозможно приравнять Китай и Индию к какому-нибудь Лесото или тем более Тувалу с населением в 12 тыс. человек.

Вполне вероятно, что на какое-то время подвижность партнерств в рамках Мир-Системы усилится, возникающие коалиции порой могут оказаться химерическими, эфемерными или фантастическими. В процессе поиска наиболее устойчивых, выгодных и адекватных организационных наднациональных форм могут возникать различные и даже быстро меняющиеся промежуточные формы, когда игроки на мировой и региональных политических аренах будут искать наиболее выгодные и удобные блоки и соглашения. Например, если в принятии решений (и распределении квот) будут учитываться численность населения и другие параметры³¹, страны и участники смогут блокироваться друг с другом, исходя из относительных преимуществ каждого, для принятия выгодного им решения (подобно политическим партиям). Но в конце концов постепенно некоторые из новых союзов и объединений могут стать из временных постоянными, фиксированными и принять особые наднациональные формы.

В этом же процессе начнут вырабатываться некоторые новые императивы мирового права. Эту идею вполне подтверждают события, связанные с современным глобальным кризисом, в частности встречи «двадцатки». Направленность к подобного рода наднациональным формам регулирования становится очевидной, хотя станет ли именно G-20 постоянным органом, неясно, поскольку двадцать, возможно, слишком большое число. Но, как сказано выше, вполне возможен иной вариант расширения числа ведущих игроков. Доведение числа членов «клуба G» хотя бы до 11, то есть «семерка» плюс страны БРИК, уже могло бы сделать этот орган более влиятельным, чем сегодня. Но встреч президентов раз в год или реже, или даже встреч министров мало. Такие встречи пока носят скорее ритуальный, чем практический характер. Чтобы сделать такой «клуб» не просто влиятельным, а реальным мировым органом, хотя бы де-факто, необходимо организовывать форматы переговоров, консультаций, частных договоренностей и пр. на самых разных уровнях и в самых разных комбинациях.

Устойчивость новых геополитических и геоэкономических форм будет зависеть от множества причин, но исторический опыт показывает, что наиболее прочными

³⁰ Опыт ЕС показывает, что это сильно сдерживает процесс развития, а подобные правила в мировом представительстве просто блокируют его.

³¹ Существует индекс измерения национальной мощи, в котором интегрированы измерения ВВП, расходы на оборону, население и состояние технологий. Какие-то индексы могут стать основой для институций при подсчете квот и голосов.

становятся те, в которых помимо конкретных преимуществ и объективной потребности имеются и некие неполитические основы для объединения (географические, культурные, экономические, идеологические и др.).

Естественно, движение к новому мировому порядку будет происходить на самых разных уровнях. Очень важным является региональный уровень. Региональные лидеры быстро набирают мощь, следовательно, они, скорее всего, будут играть более важную роль, чем сейчас. При этом некоторые из региональных держав станут играть ключевую роль во всем геополитическом раскладе на огромных территориях. Сегодня, по некоторым мнениям, такую ключевую роль начинает играть Иран. Не исключено также, что, отвечая на вероятный дефицит глобального управления, негосударственные акторы сформируют сети, сосредоточенные на конкретных проблемах³². Однако не стоило бы слишком преувеличивать роль негосударственных организаций и сетей. Главную роль в формировании нового мирового порядка, скорее всего, будут играть государства, но также будут набирать силу надгосударственные объединения всех форматов и форм.

Крайне нужен также и координационный центр, без которого сетевой мир станет неуправляемым конгломератом. К тому же слишком уж сформировался стереотип, что нужны какие-то общемировые институты, поэтому с большим или меньшим успехом, но к ним все равно будут стремиться. Вопрос о координационно-политическом центре Мир-Системы остается очень важным. Если бы удалось создать какой-то коллективный политический (координационный) центр (с ограниченными правами), сосуществование иных функциональных центров могло бы быть более возможным и системным, взаимодействующим. Но именно государства (и особенно надгосударственные союзы) способны скорее всего продвинуться в сторону создания такого центра.

Будущая эпоха, по-видимому, будет эпохой не только новых коалиций, но и новых глобальных институтов, а также – на это обращают внимание пока мало – новых международных технологий многостороннего сотрудничества (в том числе дипломатического, экспертного, социологического, культурного), от которых может зависеть многое. Например, формат международных конгрессов и многосторонних соглашений, возникший после наполеоновских войн и достигший апогея в XX в., вероятно, будет потеснен другими форматами, не исключено, что и связанными с современными коммуникациями. Какая-нибудь постоянная комиссия, работающая не за столом переговоров, а через видеоконференции, может стать удобным и достаточно дешевым органом, чтобы постоянно работать над какими-то проблемами. Как говорил Шарль де Голль, политика – слишком серьезное дело, чтобы доверять ее политикам [Мысли... 2009: 238]. То же можно сказать и о дипломатии в глобализирующемся мире.

Литература

Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М. : Международные отношения, 2005.

Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М. : АСТ, 2007.

---

³² Существуют примеры таких сетей: Форум финансовой стабильности, Международный форум по секвестрации углекислого газа, Международное партнерство по водородной экономике [Мир после кризиса... 2009: 161].

- Ван дер Вее Г. История мировой экономики 1945–1990. М. : Наука, 1994.
- Володин А. Г. Индия // Мировая экономика: прогноз до 2020 / под ред. А. А. Дынкина. М. : Магистр, 2008. С. 334.
- Гринин Л. Е. Нежеланное дитя глобализации. Заметки о кризисе // Век глобализации. 2008а. № 2. С. 46–53.
- Гринин Л. Е. Глобализация и модели трансформации суверенности в западных и незападных странах // Человек и природа: «Вызов и ответ» / под ред. Э. С. Кульпина. М. : ИАЦ-Энергия, 2008б. С. 56–88.
- Гринин Л. Е. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета // Век глобализации. 2008в. № 1. С. 86–97.
- Гринин Л. Е. Эпоха новых коалиций. Выступление на круглом столе в редакции журнала «Век глобализации» на тему «Глобально-системный кризис и модели мироустройства» // Век глобализации. 2009а. № 1. С. 63–70.
- Гринин Л. Е. Глобальный кризис как кризис перепроизводства денег // Философия и общество. 2009б. № 1. С. 5–32.
- Гринин Л. Е. Современный кризис: новые черты и классика жанра // История и современность. 2009в. № 1. С. 3–32;
- Гринин Л. Е. Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса. 2-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2009г.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Глобальный кризис в ретроспективе: Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена. М. : ЛИБРОКОМ, 2010.
- Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Коротаев А. В. Математическая модель среднесрочного экономического цикла и современный глобальный кризис // История и математика: Эволюционная историческая макродинамика / отв. ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. М. : ЛИБРОКОМ, 2010.
- Гринспен А. Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы. М. : Альпина Бизнес Букс, 2009.
- Доронин И. Г. Мировые фондовые рынки. Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / ред. И. С. Королев. М.: Экономистъ, 2003.
- Кэлахан Д. Экономика финансов для простых людей // Экономический цикл: анализ австрийской школы / ред. А. В. Куряев. Челябинск : Социум, 2005. С. 70–79.
- Мельянцева В. А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен. М. : Ключ-С, 2009.
- Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. М. : Европа, 2009.
- Мировая экономика: прогноз до 2020 / под ред. А. А. Дынкина. М. : Магистр, 2008.
- Михайлов Д. М. Мировой финансовый рынок. Тенденции и инструменты. М. : Экзамен, 2000.
- Михеев В. В. Китай // Мировая экономика: прогноз до 2020 / под ред. А. А. Дынкина. М. : Магистр, 2008. С. 311.
- Мысли великих политиков / сост. Е. В. Бельмис. СПб. : Паритет, 2009.

Наумов И. Пенсионный фонд России (ПФР) в текущем году зафиксировал убытки в 10 млрд руб. от размещения средств в государственных бумагах // Независимая газета. 2008. 19 декабря [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/economics/2008-12-19/4_pensia.html

Пантин В. И., Лапкин В. В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна : Феникс+, 2006.

Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М. : ИНФРА-М, 1999.

Туроу, Л. Будущее капитализма. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999.

Штефан Е. Пенсионные фонды США потеряли два триллиона долларов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nr2.ru/economy/199830.html> (дата обращения: 08.10.08).

Grinin L. E. Globalization and the Transformation of National Sovereignty // Systemic Development: Local Solutions in a Global Environment / ed. by J. Sheffield. Auckland: ISCE Publishing; Goodyear, 2009. Pp. 47–53.

Frank, A. G. ReORIENT: Global Economy in the Asian Age. Berkeley, CA: University of California Press, 1998.

Schäfer U. Der Crash des Kapitalismus. Frankfurt: Campus Verlag, 2009. S. 279–280.